

II. ОБЗОРЫ

КАПЛАН А.Б. ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА ПАСКАЛЯ

I. Кредо Паскаля

Годы жизни Паскаля приходится на XVII век, который называли веком Декарта, окончательно преодолевшим в это время томистское мировоззрение. Оптимистическому рационализму Декарта противостояло трагическое видение мира Паскаля: “Когда я вижу слепоту и ничтожество человеческие, когда смотрю на немую вселенную и на человека, покинутого во мраке на самого себя и заблудившегося в этом уголке вселенной, не зная, кто его туда поместил, зачем он сюда пришел, что с ним станет после смерти, и неспособного это узнать, я пугаюсь...” (7, с.131). Столь трагическое видение мира было свойственно также и Расину. Люсьен Гольдман пытается вскрыть причины совпадения их взглядов. Он всячески стремится доказать сходство их классовых позиций, но это выглядит неубедительно. Гораздо больше сходства в их биографиях и прежде всего в их явной причастности к религиозному движению янсенистов. Это мощное религиозное движение, активность которого особенно была заметна в период между 1637 и 1677 годами, в основном привлекало к себе представителей “дворянства мантии”, т.е. крупных чиновников, получивших дворянское звание от короля. До конца первой трети XVII в. “дворянство мантии” было опорой короля в его противостоянии бунтующей знати, но по мере укрепления абсолютизма и усиления бесконтрольности власти при кардинале Ришелье стало расти недовольство чиновников и преподавателей университетов. Их пугала непредсказуемость верховной власти, они полагали, что

Франция идет по трагическому пути Испании, где власть иезуитов была бесконтрольной (15, с.126-127).

Янсенизм — мировоззрение, получившее свое название от теолога, епископа города Ипр Янсения, автора книги “Августин”. Янсений мечтал вернуть католическому мировоззрению чистоту помыслов блаженного Августина. Он считал, что трудам ряда иезуитских богословов свойственно искажение подлинного христианского учения. Циничному практицизму многих иезуитов книга Янсения противопоставляла мистическое отношение к Богу. Это была не радостная, а трагическая мистика, зерном которой было осознание неизвестности грядущего. Были, как отмечает Гольдман, чистые мистики, чья жизнь проходила в молитве. Только молитва, считали они, может приблизить их к несоизмеримо далеко отстоящему Богу (15, с. 161).

Мать Агнеса, одна из авторитетнейших монахинь монастыря Пор-Рояля, была яркой представительницей чистых мистиков. Вот отрывок из ее молитвы: “Господь! Я желаю лишь только того, чтобы милостивый взгляд Ваших очей коснулся меня” (15,с.162). В отличие от псалмопевца, который мечтает увидеть образ Бога, Агнеса только робко просит творца не покинуть ее. Молящийся мистик не уверен в отклике Бога на свою мольбу. Он лишь уповает на слабую надежду, ощущая трагическое одиночество. Но среди янсенистов было немало людей иного толка, интеллектуалов таких, как Арно, Николь, Паскаль и Расин. Наш автор называет Арно и его сторонников “центристами”, а чистых мистиков “экстремистами” (15, с. 170). Центристов часто называли “друзьями Пор-Рояля”. Арно был активным теологом и не считал правильным замыкаться только в молитвенном и мистическом одиночестве, но считал необходимым активно выступать против школы иезуита Молины. Их восприятие мира было не столь трагическим как у экстремистов. Характерно, что Арно, который вдохновил Паскаля создать трактат “Письма к провинциалу”, осудил крайний трагизм восприятия последнего, высказанный в “Мыслях” (15, с.171).

Но и в среде экстремистов, для которых “прячущийся Бог” мог быть относительно приближен сосредоточенной одинокой молитвой, и в среде “друзей Пор-Рояля” — центристов, трагизм идеи “прячущегося Бога” ослаблялся определенным осознанием своей избранности. Трагизм “прячущегося Бога” был выражен в творчестве Паскаля и Расина. Паскаль, который сначала мог считаться типичным членом общества “друзей Пор-Рояля” к концу

жизни стал экстремистом в период составления фрагментов “Мыслей. Он, современник великих рационалистов Декарта и Спинозы, превосходивший их талантом экспериментатора, достиг понимания иррационального трагизма человека и человечества на полтора века раньше чем творец “Фауста” — Гете (15, с.197). Трагедия Паскаля заключалась и в том, что, осознавая себя хрупким “мыслящим тростником”, “ничто пред бесконечностью”, зная, что “цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной” (7, с.133), он не мог отказаться от любимой страсти исследования и экспериментирования.

Паскаль, особенно к концу жизни, все больше ощущал трагедию собственного существования, не находя сил представить в своем сознании какое-либо подобие всемогущества Бога, видя себя песчинкой перед лицом мироздания. Создатель мироздания не бог философов, а Бог “Авраама, Исаака и Иакова” также непознаваем как для Паскаля, так и для древних христиан. Но великий исследователь не мог удовлетвориться радостным осознанием собственного неведения, росла трагедия, заставлявшая Паскаля мучительно мыслить и все более понимать то трагическое начало в жизни вселенной, которое так знакомо людям XX в.

Религиозный кризис стимулировался и внешними событиями: папа издал в 1657 г. буллу, в которой резко обвинял янсенизм в ереси, и янсенист Паскаль оказался перед выбором: подчиниться решению папы или остаться верным своим убеждениям. Он выбрал второе, но решение было мучительным (15, с.212). Усиливалось влияние на него младшей сестры — Жаклин, которая также не признавала решение папы. Но Рим требовал подчиниться. Паскаль судорожно искал компромисса. Парижские священники в 1661 г. опубликовали документ, в составлении которого участвовал и Паскаль. Здесь авторы пытались “развести понятия факта и права” (13, с. 34), доказать, что постулаты книги Янсения не имеют подлинно еретического характера. Однако папа настаивал на капитуляции. Паскаль, как и другие янсенисты подписал унижительное соглашение. Жаклин, наиболее последовательная защитница янсенизма, также подписала документ и вскоре умерла, не сумев перенести унижения. Ее гибель еще более усилила духовный и душевный трагизм великого ученого.

В его творчестве сплелись в единый узел разные чувства: глубокая вера и мучительный поиск истины. Вот пример духовных метаний Паскаля:) “Я могу любить полную темноту но если Бог погружает меня в полутьму, толика темноты, там присутствующая, меня раздражает, и коль

скоро я не вижу там достоинств полной темноты, она мне неприятна. Это порок и свидетельство того, что я творю себе кумира из темноты отдельно от воли Божией. А поклоняться можно только не выходя из Его воли” (7, с. 336). Этот отрывок из книги “Мысли” весьма точно отражает умонастроение Паскаля: он не может подобно своему коллеге по Пор-Роялю, мистiku Баркосу, при помощи молитвенных упражнений погрузиться в мир видений. Мысль ученого постоянно активна и стремится вылиться в слова. Трагический оттенок носит и критика ненавидимых Паскалем скептиков-пирронистов. Он признает, что “сомнительную темноту” скептицизма не может рассеять наша ясность мысли (7, с.104). За пятьдесят лет до появления “Мыслей” Паскаля Шекспир в образе Гамлета показал всю силу трагизма сплетения веры со скептицизмом. Конечно между мышлением Гамлета и мировоззрением Паскаля глубокая пропасть. Взгляды Гамлета на религию хаотичны, неопределенны. Паскаль глубоко верующий католик. Его строгой вере противостоит глубокое понимание сложности мира. “Так что же есть человек в природе?” — пишет Паскаль. Ничто по сравнению с бесконечностью все по сравнению с небытием, середина между ничто и все он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной” (7, с. 133). Эти слова написал не отчужденный от мира мистик, а великий математик, в частности исследователь интегрирования исчисления бесконечно малых величин, Лейбниц, признавался, что использовал работы Паскаля при создании дифференциального, интегрального исчисления (2, с.260). Математические интересы Паскаля и Декарта, членов математического кружка Мерсена, часто совпадали (15, с. 138). Но каждый из них воспринимал свои открытия по-разному. Родоначальник рационалистического научного мировоззрения Нового времени Декарт считал открытия Божественным откровением. Паскаль, взглядевшись в мир бесконечного и представив всю сложность вероятности, испытал страх, ощутив безграничность непознанного. Вот что писал Паскаль своему другу и коллеге выдающемуся французскому математику Ферма в 1660 г.: “Сказать вам откровенно, я считаю математику самым возвышенным упражнением для ума; но в то же время нахожу ее столь бесполезной, что не вижу большой разницы между человеком, который всего лишь математик, и искусным ремесленником” (7, с.431).

Безграничная любовь Паскаля к математике и осознание бездн бесконечности познания создавали трагедию в душе ученого, но в то же время эти два чувства создавали уникальную психологическую почву для

творчества. Обратимся к одному из пространных фрагментов “Мыслей”. Паскаль назвал его “Несоразмерность человека”. Человек, пишет Паскаль, “не способен понять небытие из которого он извлечен, и бесконечность, которою он поглощается” (7, с.133). И далее.... “Мы есть нечто, но мы не есть все. Частица бытия, в нас заключенная, препятствует нам постичь первоначала мира, которые рождаются из небытия; но частица бытия в нас так мала, что бесконечность скрывается из-за этого от нашего зрения” (7, с.134). В самом названии “Несоразмерность человека” звучит неудовлетворенность жизненной ситуацией, а в дальнейших словах слышатся трагические ноты. Ведь Паскаль не просто постулирует факт бренности познания мира, он осознает безнадежный тупик деятельности ученого. Страсть к познанию – суть жизни Паскаля. Трагический тупик, в который завела Паскаля его собственная мысль, не ломает мышление философа, а делает его мировоззрение более глубоким и диалектичным, поскольку трагическое самовыражение стимулирует разум (7, с.321). В то же время оно заставляло его находить удивительные слова для выражения своих мыслей.

Остановимся на одном из удивительных фрагментов “Мыслей” – “Пари”. В основе этого фрагмента лежит тайна скрытого Бога: после грехопадения Адама люди стали недостойными лицезреть Творца. Но жизнь человека связана с тайной амбивалентности Бога, который одновременно скрыт от человека и всегда присутствует рядом. Мысль человека, способная раскрывать закономерности природы, бессильна перед этой тайной. При всей своей религиозности Паскаль не мог стать на путь чистой мистики. Его математические исследования, в частности, первые шаги по теории вероятности, выводы из нее органически сплетались с религиозными убеждениями ученого. Многие ком-ментаторы творчества Паскаля, анализируя раздел “Пари” считают, что автор обращался к либертенам или маловерам. Нам представляется, что пламенный католик Паскаль обращался и к самому себе. У великого исследователя “искушение разумом” было велико. Стремление освободиться от искушения становилось стимулом для творчества.

Известно, что Паскаль резко разграничивал чисто логический, математический ум от светского ума. Математический или геометрический ум руководствуется строго логическими законами. Тонкий светский ум способен сливаться с душевными

переживаниями и видеть противоречивость бытия. В разделе “Пари”, как отмечает Л.Брунsvик, Паскаль максимально сближает два вида мышления: геометрические определения могут становиться одухотворенными... сердце чувствует три измерения в пространстве, а числа становятся бесконечными (цит. по: 13, с.64). Единица, добавленная к бесконечности, – пишет Паскаль, – никак ее не увеличивает... конечное уничтожается перед бесконечным и превращается в чистое ничто (7, с.183). Паскаль здесь глубоко ощущает трагическое начало между существованием конечного и бесконечного. Ведь он находился под влиянием янсенистов следовательно разделял учение Августина, по которому согласно принципу предопределения, лишь избранные обретут царство небесное. Сам этот постулат был трагическим для Паскаля. Ибо неизвестность для человека (избран ли он или проклят) являлось часто причиной атеизма или, скорее, маловерия. Внутренняя трагедия ученого породила этот удивительный раздел “Мыслей”, который посвящен пари

Задача Паскаля в убеждении себя и своего читателя в том, что существует возможность превратить чувство отчаяния (из-за неведения помысла Бога) в чувство радостной надежды спасения души (8, с. 274) Бог непознаваем, пишет философ. “И скажем: Бог или есть или Его нет; но на какую сторону мы склонимся? Разум тут ничего определить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния играется игра, в которой выпадает орел или решка. На что вы поставите? Разумом вы не можете выбрать ни то ни другое; разумом вы не можете отказаться ни от того, ни от другого” (7, с. 186). Характерно, что Паскаль столь демократичен, что его читатель становится как бы равноправным собеседником. Философ обладает талантом низводить самое высокое до уровня предельно бытового, не снижая высоты богословских понятий.

Игра в орлянку, с точки зрения любого христианина, – грех, правда грех ничтожный, превращается в тексте Паскаля в процесс отношения человека с Богом “Правильно было бы вовсе не заключать пари... но заключать его придется. Тут от вас ничего не зависит, вы *впутаны*⁶⁵ в это дело” (7, с.186). Вспомним один из основных тезисов автора “Мыслей”: “наша душа *заброшена* в наше тело”. Трагический тезис экзистен-циалистов о вброшенности человека в мир хаоса

⁶⁵ Здесь и далее курсив наш. – А.К.

безусловно возник под влиянием Паскаля. Однако картина мира философа XVII в. отличается от трагического видения экзистенциалистов (8, с. 402-429).

Следует отметить, что “Мысли” – произведение в общем трагическое, фрагмент же “Пари” написан в стиле дружеской беседы. “Посмотрим; поскольку надо выбирать, посмотрим, где для вас меньше ущерба. Вы можете потерять две вещи: истину и благо, и две вещи можете поставить на кон: ваш разум и вашу волю” (7, с. 186). Далее Паскаль начинает убеждать и себя и своих читателей не как философ, а как знаток этой особой игры с Богом: “Взвесим выигрыш и потерю, если вы поставите на решку, то есть на Бога. Рассмотрим две возможности: если вы выигрываете, то выигрываете все, а если теряете, то не теряете ничего; *делайте же вашу ставку скорее*” (с. 186)”. Но здесь мы слышим лишь призыв к игре. Доказательства еще впереди. Во-первых, мы обречены играть в эту игру, поскольку так устроена жизнь; во-вторых, ставки не равны: с одной стороны, вечное блаженство, с другой — небытие. Таким образом, атеист, не признающий жизни после смерти, ничего не проигрывает. Но это еще не является окончательным аргументом в пользу ставки на Бога. Тогда язык Паскаля приобретает математическую строгость, он пишет: “...если шансов с одной стороны столько же, сколько с другой, игра будет идти на равных. Тут уверенность в риске равна неуверенности в выигрыше, а вовсе не отстоит от нее бесконечно. А бесконечную силу наше рассуждение обретает тогда, когда в игре, где есть равные шансы выиграть и проиграть, рискуешь конечным, а получаешь бесконечное” (7, с.187).

Здесь требуется несколько пояснений. Напомним, что Паскаль убеждал не только либертепов, но и каждого человека, и даже самого себя. Известно, что в душе самого фанатичного человека возможно хоть мгновенное появление чувства сомнения. Но наш автор знает: существует множество людей, которые “устроены так”, что не могут верить”(7, с. 188). Тогда они должны логически прийти к пониманию серьезности игры или начать формально соблюдать христианские заповеди. Сам процесс игры может изменить их образ жизни. И они могут испытывать великую радость от надежды на спасение. Безусловно, не все современники и потомки согласились с Паскалем. Так Вольтер зло высмеивал игру с Богом, Руссо же крайне серьезно относился к мысли великого математика о самоусовершенствовании человека. Автор “Писем к провинциалу” зарекомендовал себя одним из изысканных стилистов

Франции. “Мысли” отличаются меньшей отточеностью слова, но зато мы видим здесь и сомнения, и внутреннюю борьбу.

2. Паскаль и Ницше

Психологию творчества Паскаля нам помогает понять книга американского ученого Диона “Паскаль и Ницше” (14). Дион считает, что в начале своего творчества Ницше мало внимания уделял Паскалю. Впервые, по мнению Диона, он обратил внимание на “Мысли” в статье, посвященной творчеству Давида Штраусса, где высмеивал самоуверенность позитивизма. Ницше сослался на тот фрагмент труда Паскаля, в котором последний сравнивал жизнь и сон. “Но поскольку сны все разные и даже один и тот же сон меняется, они воздействуют на нас много меньше, чем явь, которая более постоянна; впрочем не настолько она постоянна и однообразна, чтобы не меняться тоже, но она это делает не так резко – разве что в редких случаях вроде путешествий, и тогда мы говорим: я словно во сне; ведь жизнь – это греза, только чуть менее изменчивая” (7, с.294).

Безукоризненный экспериментатор Паскаль интуитивно чувствовал, что за гранью опыта бесконечный хаос; чувствовал страх непредсказуемостью бесконечности. Этот психологический настрой был основой создания многих страниц главной работы философа. Ницше, подчеркивает Дион, не случайно сближает Паскаля и Шопенгауэра, ибо при всем различии этих философов мотивацией их творчества было внутреннее осознание ничтожности человека перед бесконечностью (14, с.7-9). Для Ницше, апологета сверхчеловека, Паскаль был скептиком, пессимистом. Но, как считает немецкий философ, автор “Мыслей” не желал признаваться в своем пессимизме (14, с.15). Ницше безусловно весьма обобщает, ибо религиозное мышление различных мистиков сугубо индивидуально. У многих червь сомнения приобретает микроскопические размеры. У Паскаля сомнение является ферментом сублимации, которая в его творчестве размывает сомнения. Дион отмечает, что Ницше отличает часто “сомнение” от трудности самоубеждения.

В одном из фрагментов “Мыслей” Паскаль сам описывает эту внутреннюю борьбу человека: “О люди, тщетно ищите вы в самих себе лекарство от ваших бед. Все ваши знания годны лишь на то, чтобы вы поняли: не в вас самих вы найдете истину и благо. Философы вам это обещали и не смогли исполнить... Соединить с Богом вас может благодать, а не природа. Привести вас к смирению может покаяние, а не

природа. Последите за вашими поступками. Понаблюдайте над собой, и посмотрим, обнаружите ли вы явные признаки этих двух природ” (7, с.121). Во фрагментах Паскаль одновременно разговаривает и с читателем, и с самим собой. Он раскрывает волшебство покаяния, с одной стороны, такое простое, а с другой – такое таинственное объединение природы человека и природы Бога.

С начала 80-х годов Ницше начинает уделять творчеству Паскаля больше внимания чем ранее. Именно в этот период он начинает критиковать мораль Паскаля. Ницше сам по сути глубоко одинокий мыслитель и художник слова чувствовал одиночество Паскаля, когда писал об авторе “Мыслей” следующее: “Существуют люди, которые из сочувствия и заботы о другом человеке становятся ипохондриками; возникающий при этом род сострадания есть ничто иное как болезнь” (5, с.271). Если христианский морализм Паскаля есть средство противостоять всемирному хаосу, то Ницше провозглашает диктат личности над окружающим; для него великим примером были деяния древних греков, которые при посредстве аполонического разума сумели преобразовать дионисийский хаос в космос. “Мыслящему тростнику” Паскаля противостоит “сверхчеловек” Ницше, однако оба образа отражают философию одиночества. Пользуясь терминологией Юнга предположим, что образ “мыслящего тростника” навеян интровертным творчеством Паскаля, образ “сверхчеловека” экстравертным характером Ницше. Ницше, не желавший примиряться с христианским тезисом о невозможности полного познания Божьего промысла, считал Паскаля скептиком, который не хотел признаваться в своем скептицизме (14, с.15).

Образ “прячущегося Бога”, столь близкий Паскалю был для Ницше символом неосознанного скептицизма, но, считает Дион, Ницше неправильно трактует Паскаля, он смешивает два понятия – веру и правоподобность, что не свойственно Паскалю – одному из выдающихся экспериментаторов своего времени. Паскаль не скептик, а искатель, об этом говорят следующие слова из “Мыслей”: “Величие и ничтожество человека столь очевидны, что истинная религия непременно должна нас учить тому, что есть в человеке некое великое основание для величия и великое основание для ничтожества” (7, с. 120). Достаточно вспомнить его рассуждения о превращении вероятности в веру путем своеобразного пари (7, с. 185-188).

Паскаль учил, что строгое соблюдение христианином правил пари требует аскетического образа жизни. Ницше, отмечает Дион, резко критиковал христианский аскетизм, в частности аскетизм Паскаля как

беспольный идеал, ошибочно принимаемый христианами за добродетель. Аскетический идеал сильного человека Ницше иной: сверхчеловек не подавляет свои страсти, а господствует над ними(14, с. 22-23). В 1886 г. Ницше еще более сурово судит Паскаля. Немецкий философ заявляет, что вера Паскаля сводится к опасному образу мысли и чувства, к постоянному уничтожению разума (14, с.24). Но ведь Паскаль отказывал разуму в познании бесконечного, именно страстное желание углубить свою веру было для французского ученого побудительным стимулом в создании своей апологии.

Ницше видит в Паскале антипод учению о сверхчеловеке, для которого среда — конечная или бесконечная область для субъективной деятельности, Флобер, героиня которого мадам Бавари умеет только безотчетно любить, для немецкого философа только повторяет мысли Паскаля, ибо у Флобера личность растворяется в действии (14, с. 27). Для философа жизни Ницше истинный христианин Паскаль, а певец жизни Рафаэль — ненастоящий христианин. Религиозное учение о первородном грехе уничтожает любовь к жизни. Но, не соглашаясь с аскетическим идеалом Паскаля, Ницше признает, что его редкая сосредоточенность в порыве приблизиться к познанию “прячущегося Бога” привела к большой глубине проникновения в предмет познания (14, с.28). Ницше ставит в один ряд произведения Паскаля с Библией, с творениями Шопенгауэра и Вагнера. Не принимая морального пессимизма Паскаля и Шопенгауэра создатель “Заратустры” ощущал в них, своих оппонентах побудительный призыв к творчеству. Ницше не уставал повторять, что христианство Паскаля — сила, парализующая здоровые инстинкты человека, искушающая его разум. Французский философ опасен потому, что он слишком талантлив (14, с.30).

В одном из своих последних трудов “К генеалогии морали” Ницше разворачивает свою критику аскетизма как глобального зла. Носителями добра или точнее мирового здоровья в европейской цивилизации были греки. Герой Гомера или мегарского поэта Феогнида играли роль раннего прообраза сверхчеловека. Психологическая совместимость Ницше с идеалом силы и подвига избранных, отрицание “блага страдания” порождали в бурном сознании немецкого философа и поэта ненависть к “певцам страдания”, особенно к иудейским священникам. “Именно евреи рискнули с ужасающей последовательностью вывернуть наизнанку аристократическое уравнение ценности (хороший = знатный=могущественный=прекрасный=счастливый=боговозлюбленный) — и вцепились в это зубами бездонной ненависти ...только одни

отверженные являются хорошими; только бедные бессильные, незнатные являются хорошими; только страждущие, терпящие лишения, больные, уродливые... единственно набожные, им только и принадлежит блаженство” (б, с.422). Наследницей еврейского жречества стала христианская церковь. Это “восстание рабов морали” длится тысячелетия, но в истории Ницше слышит мелодию вечного возвращения героической личности — носителя творческого начала.

Выступая против церковного идеала, Ницше не видел серьезного противодействия ему со стороны позитивной науки. Борясь, особенно в последние годы своей жизни, с аскетическим идеалом Ницше, как отмечает Дион, не скрывал своего уважения к силе страсти и убеждения своих противников. Он писал: “Все мое уважение обращено к аскетическому идеалу, когда вера в него искренна, а не является лицемерной комедией” (цит. по: 14, с.39).

Значительную часть своей монографии Дион посвящает проблеме осознания “Я” у Паскаля и Ницше. Ницше не любит искать бесконечность в своем “Я”. Оно для него продукт витальных систем, почка на дереве, которая, развиваясь, поглощает окружающее. (14, с.44). Человек, по Ницше, некая совокупность витальных систем и интеллектов. Но интеллект — высшая степень осознания. Немецкий философ порой употребляет это слово (интеллект) во множественном числе в ходе анализа своей личности. Он подчеркивает: “Я” не есть высшее сознание, которое сформировалось и которое обычно называют интеллектом; мое “Я” есть сознание, не уместяющееся в пограничные рамки.... “Я” развивается по мере моей активности и в основном бессознательно” (14, с.44-45). Чтобы лучше понять отношение Ницше к своей психологии творчества, нужно вспомнить следующие его слова “Я вобрал в себя дух Европы — теперь я хочу нанести контрудар” (5, с.23). Он без конца ощущал в себе агрессивную творческую силу, которая впоследствии разрушила его ум. Вот эта бессознательная творческая сила была его истинным его. Ницше был чужд стремления искать причинно-следственную связь в психологии научного и художественного творчества. Он отверг традиции как Аристотеля, так и Декарта и не верил в возможности позитивной науки в этом направлении. В одной из своих последних работ Ницше анализирует фразу “Я думаю” и приходит к выводу, что этот повседневный процесс необъясним. Можно только приближаться при многочисленных описаниях процесса мышления к его познанию, но полное познание словосочетания “Я мыслю” также невозможно как кантовской “вещи в себе” или “абсолютной истины” (14, с.46).

Паскаль в этом плане по-своему близок к Ницше, его “Я” сводится к творческой мысли. Французский философ пишет: “Я понимаю, что мог вовсе не быть, ибо мое “Я” — это моя мысль” (7, с. 112). Однако понимание своей “самости” у Ницше отличается от понимания Паскаля. Он отрицает тезис автора “Мыслей” о познании сердцем. “Я” немецкого философа — это неразрывно связанная с ним иррациональная сущность без конца способная к созиданию. Оба мыслителя отрицают метафизический подход к проблеме “Я”. Паскаль исходит из невозможности познания частицы духовного, заключенной в нас. Ницше невольно сравнивает свое “Я” с непознаваемым божественным началом. И в то же время настаивает на относительности человеческого знания. В работе “Человеческое, слишком человеческое” автор пишет: “...Картина — то, что люди теперь зовут жизнью и опытом, — постепенно *возникла* и даже находится всецело в процессе *становления* и потому не должна быть рассматриваема как постоянная величина (5, с. 248). В другой работе Ницше отмечает: “Существует антиномия между постоянной изменчивостью вещей и знанием (цит. по: 14, с.49). Паскаль не анализирует взаимосвязь изменчивого становления мира и возможности познания, но он отмечает: “Так кто же обманщик? Чувства или знания? И несколько выше французский ученый указывает: “Никогда разум не побеждает воображение полностью, обратное происходит всякий день” (7, с.88-89). Но Паскаль отличается в своих выводах от Ницше. Автор “Мыслей” пишет: “Человек — не более чем существо, по природе своей исполненное заблуждений, без *благодати* не устранимых” (7, с. 89).

Таким образом оба мыслителя отрицают познание психологии творчества. Но если для Ницше творчество непознаваемый процесс “самохаризмы”, то для Паскаля самопознание связано с сосредоточенностью души, с аскетическим идеалом. Ницше считал свою творческую силу внутренним голосом, который звучал, предвещая радость творения. У Паскаля самопознание было слито с богопознанием и являлось стимулом для творчества.

Слово инстинкт у Ницше и Паскаля означает порой разные явления. Для Ницше понятие “творческий инстинкт” означал интуицию созидания, которой обладает творец; для Паскаля инстинкт был присущ животному или звериной природе человека. Ницше рассматривал творчество как борьбу, радостную и мучительную в одно и то же время. Творческая воля подчиняла себе окружающее, и чем более среда сопротивлялась, тем более усиливалась внутренняя борьба между “фальшивой субстанцией личности” творца и его “волей к власти”. Если

Ницше понимал, что борьба со своим физическим состоянием и психологией, которую постоянно ведет его творческая сила, чревата тяжелыми болезнями, то Паскаль открыто ненавидел свое “Я”. Он писал: “Но если я ненавижу свое “я” потому, что грешно ему становиться средоточием всего, то я всегда буду его ненавидеть... “я” ...греховно само по себе, желая сделаться средоточием всего. Оно неудобно для других, желая поработить их, ибо каждое “я” — враг всех остальных и хотело стать бы для них тираном” (7, с. 254).

Паскаль в отличие от других философов пишет “я” с маленькой буквы, подчеркивая всю ничтожность подобного понятия. Тираническая воля “Я”, которая так восхищает Ницше, пугает Паскаля. В отличие от Ницше, который считает, что творческая сила коренится в жизненной воле, Паскаль считает “я” вместилищем похоти и эгоизма. Ненависть Паскаля к “я” была отвергнута немецким философом как христианский предрассудок, но Ницше пошел дальше, он отказался не только ненавидеть себя, но и судить себя, отвергнув, таким образом, проблему совести. Он писал: “Беззаботными, насмешливыми, сильными — таковыми хочет нас мудрость: она — женщина и любит всегда только воина” (6, с.472). Паскаль стремится к подавлению своих страстей, Ницше протестует: “Подавлять наши страсти? Нет, делать это следовательно ослаблять и даже уничтожать их.... Можно давать свободу страстям... они могут быть добрыми слугами” (14, с.59). Сильная личность использует страсти для укрепления творческой силы. Дисциплина личности интеллектуализирует человеческие инстинкты, сохраняя их дионисийскую силу. Дион доказывает на многих примерах, что Ницше вплотную подошел к проблеме сублимации в процессе творчества. Паскаль не стремился замкнуть свои инстинкты в себе. (Страсть означала призыв идти в мир. Но подлинное счастье человек обретает в Боге, ибо обретение себя в Боге — жизненная задача Паскаля. Он писал: “О люди, тщетно ищите вы в самих себе лекарства от ваших бед. Все ваши знания годны лишь на то, чтобы вы поняли: не в вас самих найдете истину и благо (7, с.21). Но Паскаль серьезно размышлял над проблемой познания сверхъестественного мира, над темой благодати. Увлечение богословием привело Паскаля к пониманию проблемы интуиции. Несмотря на то, что ни Паскаль, ни Ницше специально не занимались психологией творчества, в россыпях их гениальных мыслей можно найти немало того, что получило значительное развитие в трудах Бергсона, Фрейда, Юнга и других ученых.

Характерно, что мистик Паскаль оказал весьма большое влияние на богоборца Ницше, но влияние своеобразное. Ненависть к собственному “я” у Паскаля породило в сознании Ницше протест, содействующий созданию ницшеанского образа динамического творческого “Я”, для которого среда была полем действия и поглощения. Учение Паскаля об аскетическом идеале было для Ницше религиозным предрассудком, но в то же время содействовало выработке учения о дисциплине поведения и творчества.

3. Религия и психология творчества Паскаля

“Личная психология творца объясняет, конечно, многое в его произведении, но только не само это произведение” (12, с. 124), – писал Юнг и далее отмечал: “Нельзя отрицать, что в определенном отношении личная психология автора может быть прослежена вплоть до корней... художник ...рассматриваемый в своей цельности – дает особенно обильный материал для психологического критического анализа” (12, с.144, 147).

Мы решили использовать монографию французского ученого Филиппа Селлье “Паскаль и литургия”. Селлье – ученик одного из авторитетных представителей католического паскалеведения Анри Гюе. Автор поставил своей целью показать взаимосвязь молитвы и творчества в последний период жизни Паскаля. В 1655 г. Паскаль приезжает жить в Пор-Рояль, монастырь известный своими строгими правилами во всей стране. Правила для монахинь .послушниц были очень суровы: от двух часов ночи до шести утра читалось 13 молитв. По церковным правилам при монастыре разрешалось жить отшельникам, таким отшельником стал и Паскаль, Монастырь был старинный, основанный монахами – тружениками – цистерцианцами. Но в XVIII в. труд по расчистке лесов и сбору урожая уступил изучению святой книг и рукоделию. Из отцов церкви особенно почитались святой Бенедикт, аббат монастыря Монтекассино, создатель первого монастырского устава, и Бернард Клервоский, один из создателей цистерцианского ордена, ведущий религиозный деятель XIII в. Поэтому не случайно, что Паскаль часто цитировал их слова, чувствуя созвучие своим мыслям. Так, например, слова святого Бернарда: “Чем ты лучше, тем ты станешь хуже, если припишешь самому себе, что есть в тебе доброго” (цит. по: 7, с.439). Здесь выражена мысль, которую Паскаль повторял на многих страницах своей книги, постоянно взглядываясь в самого себя. Вот другая фраза Бернарда: “Заслуживая побоев больше чем поцелуев, я не боюсь, потому что люблю” (цит. по: 7, с.439). Она определяет решение Паскаля выбрать столь суровый жизненный путь. Слова Бернарда: “Ты не искал бы меня, если бы уже Меня не нашел” (цит. по: 7, с. 466). В этой фразе выражена идея о “прячущемся Боге”, т.е. недоступном для постижения смертными. Стремление приблизиться к творцу проходит красной нитью через всю книгу Паскаля. И, наконец: “К твоему суду взываю я, Господи” (цит. по: 7, 466). Последние слова нуждаются в комментарии. Они из письма Бернарда римскому папе, где настоятель Клерво высказывается против

Рима. Паскаль, несмотря на свою религиозность, постоянно враждовал с церковными иерархами вплоть до того, что осуждал папскую буллу.

Селлье отмечает, что родственники и знакомые Паскаля, наблюдавшие его во время молитвы, удивлялись тому экстатическому состоянию, в котором пребывал автор “Мыслей”. В его поведении не было и грана автоматизма. Слабое здоровье не позволяло Паскалю присутствовать на всех мессах, но когда он жил в монастыре он присутствовал на нескольких молебнах. Ряд молитвенных изречений он переносил во фрагменты своей книги, сопровождая их порой комментариями. Литургический стиль жизни монастыря отпечатался и на стиле “Мыслей”. Строгость религиозного трактата была нормой. Хотя автором его был человек, который своим великим памфлетом “Письма к провинциалу” заставил смеяться над иезуитами всю читающую Францию.

Селлье сообщает, что личная библиотека Паскаля, сохранившаяся в его отшельнической келье не велика (17, с.21). Богословская литература отсутствует. Молитвенник и несколько мистических книг, очень популярных в то время, прежде всего Франсуа де Саль “Вступление к праведной жизни” и другие книги подобного рода, ходившие по стране, посвящены христианскому просвещению. Авторы этих книг были люди образованные. Такие писатели, как Сент-Поль, Сюрен, Сент-Сиран и другие сочетали в своем творчестве сложность содержания, простоту изложения и красоту языка. Паскаль многому научился у них, особенно серьезно он относился к различным примерам психологических упражнений, разработанных в период контрреформации. Но единственным богословом, который сохранил свое влияние на Паскале и его аскетический идеал, был Бернард Клервоский. 618-й фрагмент “Мыслей” толкует о том, что, надо любить Бога, “а не кратковечную тварь” (7, с.259) В прекрасном переводе Юлии Гинзбург в этом месте мы углядели небольшую неточность, Паскаль говорит о временном творении Бога (16, с.193). Слово “тварь” особенно в современном русском языке звучит уничижительно, этого оттенка в данном фрагменте нет. Средневековую ненависть к греху у Паскаля найти трудно, есть жалость, ужас, но не злоба. При всем уважении к Бернарду Паскаль никогда не заимствует у него яростных слов, психология человека и психология времени у него иные.

Говоря о жанре такого произведения, как “Мысли”, его можно определить как “духовные мемуары”. Здесь читатель не найдет ярко выраженного “визионерского переживания” (термин Юнга,

означающий слитность фантазии и психического порыва в поэтическом творчестве Юнг считал, что своеобразное визионерское переживание можно проследить на примере “Исповеди блаженного Августина”, произведения очень близкого по жанру к “Мыслям” Паскаля (12, с.133, 137).

Приведем пример из нашей книги “... вне веры никто не может твердо знать, спит он или бодрствует... И поскольку мы грезим часто, то и живем в грезе, громоздя один сон на другой... Течение времени и жизни, и наши столь разные тела ,и мысли ,которые их волнуют, – быть может, всего лишь иллюзии, подобные течению времени и обманчивым призракам в наших грезах” (7, с.109). Глубокий самоанализ при своем превращении в литературное произведение(многие фрагменты из книги Паскаля напоминают стихотворения в прозе) обретает единственно присущую себе форму, но тайна творчества скрывает ее становление. Что помогает приоткрыть завесу этой тайны, проследить мир тех образов и мыслей близких автору во время его творчества? Известно, что последние шесть лет своей жизни Паскаль провел в молитвах, постоянно слыша слова пророков и апостолов. Селлье попытался проследить влияние литургии на творчество философа. У Паскаля редко можно обнаружить сложные сентенции из произведений Фомы Аквинского или Бонавентуры, чаще – изречения из Ветхого и Нового Заветов. Со всей вероятностью можно предположить, что Паскаль после очередной молитвы уходил в свою келью отшельника и принимался за рукопись. Приведем ряд примеров влияния библейских изречений на творчество философа. Взять, например, отрывок из псалма “Приклони сердце мое к откровениям моим, а не к корысти” (пс.118, 36). Этот отрывок стал зерном, из которого выросла философия Паскаля.

Наш автор пишет, что мы представляем из себя столько же автомат, сколько и дух. То есть каждый человек обладает и духовной устремленностью, и автоматическим мышлением. Автоматическое мышление отличается от работы разума, который руководствуется одними доказательствами. Но, пишет Паскаль, “когда мы верим только по убеждению разума, а автомат склоняется верить в противоположное – этого мало”. (7, с.297). Как заставить себя ощущать откровение священного писания – добиться автоматизма веры, попытаться слить автоматическое

движение с чувством. Это делается путем продолжительного самовоспитания”. Разум, – продолжает Паскаль, – действует медленно и исходит из стольких соображений, которые всегда должны быть перед ним, что в любую минуту он может задремать или отвлечься. Чувство действует по-другому, оно действует мгновенно и всегда готово действовать. (7, с.298).

Вспомним Декарта, который говорил: нет ничего такого, что было бы целиком в нашей власти кроме наших мыслей. Абсолютизация разума Декартом и фактически приравнивание законов науки к божественному откровению стало аксиомой аксиом позитивной науки и понадобилось триста лет, чтобы мир понял, как опасна эта абсолютизация, хотя Руссо и Толстой предупреждали мир, что разум не дает гарантии от катастроф. Можно удивляться провидению Паскаля: как и сотни тысяч его современников он читал и слышал 118-й псалом, упорный ученый слышал ту тревогу, которую испытывают множество передовых людей нашей земли. 36-й стих этого псалма не раз встречается на страницах фрагментов. Так, Паскаль подчеркивает опасность разрушения наивной, но искренней веры людей, хранящих христианские ценности. Великий экспериментатор, предтеча кибернетики интуитивно предвидел наличие “экологии” сознания.

Селлье цитирует слова ведущего поэта Франции XX в. Клоделя. “Литургия — это живая и современная библия” (17, с.43). Молитвы, произнесенные и услышанные, могли породить в сознании Паскаля ассоциации, которые затем перерабатывались во фрагменты “Мыслей”. Значительное место в книге Паскаля занимает проблема иносказаний. Селлье считает, что ключом раскрытия этой проблемы стали часто употребляемые в литургии слова Иоанна Крестителя о Христе в Евангелии от Иоанна “...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира” (Ин. 1,29). Понимание иносказания в Библии породило науку толкования. На протяжении веков отцы церкви и великие представители схоластики стремились продвинуться в толковании вечного смысла Ветхого и Нового Завета. Одна из главных задач толкователей Ветхого Завета заключалась в том, чтобы найти в нем предсказания событий Нового Завета. В будущей “Апологии Христианства” предполагалось много места уделить иносказанию. Об этом говорит множество фрагментов “Мыслей”. Для творчества Паскаля характерно сочетание литургического и самого прозаического стиля. Например, “Читайте Ветхий Завет...и вы

увидите, напрямую ли надо понимать жертвоприношения и родство с Авраамом как причину милости Господней, и землю обетованную как место вдохновения? Нет, но как иносказания» (7, с. 150). А вот пример другого светского мышления, «Шифр имеет двойной смысл. Когда перехватывают важное письмо, смысл которого ясен, но в котором тем не менее сказано, что смысл его скрыт и затемнен, спрятан так, что письмо это будут видеть не видя, понимать не понимая, что тут следует думать, как не то, что это шифр с двойным смыслом» (7, с.148-149). В эпоху Паскаля, в эпоху Фронды практика шифрования писем была очень распространена. По-видимому Паскаль обращался к тем будущим читателям, для которых слово «иносказание» было далеким от их интересов, и стремился сразу сделать его понятным. Характерно, что раздел «иносказание» заканчивается фразой: «Ветхий Завет – это шифр» (7, с.155).

Но этот шифр Бог закрыл для иудеев, которые предпочли букву Закона его духу. Паскаль, доказывая, что Ветхий Завет имеет два смысла ссылается также на Маймонида, известного еврейского философа, и на Каббалу – мистическое течение в иудаизме, развивавшее традиции аллегорического толкования Библии. Французский философ часто говорит об отверженности евреев, отвергнувших Христа, но нигде читатель не найдет оттенка фанатической злобы. Очень впечатлительный к литургическому действию Паскаль никогда не переставал быть человеком лояльным, во многом оставаясь учеником Монтеня. Занимаясь проблемой иносказаний, автор «Мыслей» работал как ученый. Карл Ясперс ввел в свою систему кьеркегоровское понятие экзистенции. «Ясперс употребляет термин «высвечивание экзистенции», а это значит: то, что было спрятано и существовало в скрытом виде возгоняется в свет экзистенциального единства, собирающего внутри себя свою решимость» (4, с.21). Нам представляется справедливым сравнить это определение с определением характера творчества Паскаля. Изучал ли он законы гидростатики или занимался толкованием иносказаний, он стремился к «высвечиванию» того, что было спрятано и существовало в скрытом виде в человеке и мироздании.

Паскаля очень привлекли слова, сказанные во время первого причастия апостолов, «пейте из нее все». Это слова Иисуса, он произнес

их, взяв чашу с вином, предлагая ученикам причаститься его кровью. В этой евангельской фразе Паскаля больше всего заставило сосредоточиться слово “все”. Христос открыт для всех. Паскаль не принимает учение Лютера о предопределении, ибо жестоко обречь большинство людей на адские муки. Селлье отмечает, что Паскаль сочетал слова Христа “пейте из нее все” со словами псалма “Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое” (Пс. 118:32) (17, с.33). Две картины как бы перекликаются, здесь главный образ – текущая жидкость: вино, текущее из чаши, и душа Давида, текущая по пути жизни. Как Сын человеческий Иисус – потомок Давида, и Ветхий Завет как бы стремится перелиться в Новый Завет. Паскалю не удалось систематизировать свои фрагменты, он мечтал создать книгу, где сплелись бы в одно целое религия и современная мысль экспериментатора. Слыша слова апостолов и пророков, он стремился объединить их в новую совокупность, чтобы люди равнодушные к религии и даже атеисты прониклись евангельским духом. Это была утопия, но, по крайней мере, не опасная. Вильям Джеймс, известный психолог XIX в., отмечал, что фантазия обычно легче побеждает чувство, чем разум. Паскаль это чувствовал и стремился показать некую слабость разума, самого обычного, не отягощенного схоластикой. Паскаль писал, что вера отличается от доказательства. Доказательство принадлежит разуму, вера – дар Бога, и Бог дарит веру сердцу. Поэтому нашему мыслителю были так близки слова пророка Иоиля: “Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши и обратитесь к Господу Богу вашему” (Иоиль 2:13).

Л.Шестов пишет, что отказы от авторитета схоластики могли вызвать возмущение Рима. Даже друзья Паскаля – янсенисты – не соглашались с ним, ведь их община преклонялась перед отцом схоластики Августином, который признавал сочетание веры и разума в познании Бога. Но Паскаль, отмечает Шестов, нашел высказывание о том, что вера всегда предшествует разуму, поскольку разум, что предшествует вере – разум не человека, но Бога (11, с.297). То, что своими словами автор изложил цитату о взаимосвязи веры и разума, доказывает: Паскаль не будучи схоластиком владел техникой схоластического спора, он по-видимому готовился защищать свою будущую книгу от агрессивного схоластического мира. Его постоянным девизом могло бы стать изречение из 185-го фрагмента: “Вера говорит многое такое, чего чувства не говорят, но ничего противного тому, что они воспринимают; вера выше их, а не против их” (7, с.128) “...Метафизические доказательства существования Бога столь удалены от

человеческого разума и столь запутаны, что мало проникают в душу, если кому-либо и полезны на тот миг, пока это доказательство у них перед глазами; а час спустя они уже боятся, не ошиблись ли в нем” (7, с.129-130). Психология схоластического рассуждения базируется на разветвленной логике, чеканных формулировках, отточенности мышления. “Схоластика, взятая в ее теоретическом измерении, решала не описательную, а конструктивную задачу: *строила* универсум” (3, с.176). Это придавало схоластическому мышлению уверенность. Но “строительство универсума”, фундамент которого составляла аксиома, не могло удовлетворить великого экспериментатора. Схоластический мир не существовал для него, трагический образ “прячущегося Бога”, помыслы которого неизвестны, был постоянным спутником мысли Паскаля. Напряженные молитвы и чтение книг пророков из Библии только усиливали впечатление. Вот слова пророка Иеремии: “Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет” (Плач 3: 1-2). Эти слова встречаются в “Мыслях”, Фрагмент 437-й (7, с. 199). В псалмах Паскаль выделил следующую ламентацию. “Человек.... уподобится животным, которые погибают” (7, с.111). Рассуждая о корнящихся в душе человека порочных страстях, Паскаль вспоминает следующие слова из Псалтыри: “И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих. Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме как давно умерших” (Пс. 142:2-3).

Псалтырь была настольной книгой Паскаля. На страницах “Мыслей” можно насчитать около пятидесяти изречений из этой священной книги. Ряд фраз из Псалтыри, из Книг Пророков утверждали Паскаля в мысли: какая песчинка человек в мироздании и как легко сломать “мыслящий тростник”. Картины из жизни сплетались в одну цепь горестных впечатлений. Вот, например: “Представьте себе цепочку людей в кандалах. Все они приговорены к смерти, и каждый день кого-то из них казнят на глазах у других: оставшиеся в живых видят свою судьбу в судьбе себе подобных и, глядя друг на друга с мукой и без надежды, ожидают, когда настанет их черед. Вот образ удела человеческого” (7, с.198).

Жизнь не раз доказывала, что люди, постоянно с тревогой думающие о смерти, часто проявляют бесстрашие. Паскалю за его памфлеты, направленные против иезуитов, грозила Бастилия. Да и в своих фрагментах он допускает выпады против папской власти. У обычных людей, отмечает Хайдеггер, “исходный ужас бывает в редкие

мгновения” (10, с.23). Паскаль испытывал подобное чувство почти всегда. Аббат Буало писал в своих мемуарах: “Этот великий ум всегда видел бездну с левой стороны и для спокойствия ставил там стул.... Его друзья, его исповедник ... напрасно говорили ему, что бояться нечего, что эта тревога всего лишь плод воображения, утомленного абстрактными метафизическими изысканиями; он во всем соглашался с ними, но четверть часа спустя, снова открывалась перед ним пропасть, которая его ужасала”. (цит. по: с.293).

4. Противоречия – творческий импульс Паскаля

Одиночество Паскаля, прогрессирующее из года в год, накладывало суровую печать на его творчество. Следует проследить, как в творчестве Паскаля преломлялись те закономерности, о которых пишет Юнг. Великий психолог отмечал, что рождающееся в душе художника произведение – это стихийная сила, “творческое живет как дерево в почве”... Аналитическая психология называет это явление *автономным комплексом*, который в качестве обособившейся части души ведет свою самостоятельную, изъятую из иерархии сознания психическую жизнь” (12, с.108). Этот автономный комплекс либо может быть грузом для сознания, либо мобилизует “Я” на службу себе.

Любопытно проследить, как действует этот автономный комплекс творчества в работе Паскаля над “Мыслями”. Мемуары Жильберты Перье — сестры Паскаля и его собственное сочинение “Молитва, чтобы Бог дал мне употребить болезни во благо” доказывают: французский мыслитель, измученный болезнью, одинокий, глубоко религиозный, был охвачен поиском истины. Его живой ум искал ее везде, в том числе в самых бытовых изобретениях. Не следует забывать, что Паскаль изобрел тачку, первую счетную машину; уже в конце жизни спроектировал первые маршруты карет движущихся по узким улицам Парижа. Удивительная живость и разносторонность в сочетании с глубокой религиозностью придавали его творчеству своеобразный психологический рисунок.

Паскаля очень интересовала проблема психологии людей. Он пытался понять, почему большинство людей отнюдь не озабочено его тревогой о судьбе каждого и всех. В одном из фрагментов он пишет о многосторонней силе воображения; самое печальное, что оно часто побеждает разум. Человек подчиняется не истине, а проецирует свои желания, исходя из особенностей своего воображаемого автопортрета. Воображение часто подчиняется мистификациям, которые играют огромную роль в нашей жизни. “Наши судейские отлично поняли эту тайну. Их алые мантии, горностаи, в котором они похожи на пушистых котов, дворцы, где они вершат суд, королевские гербы, — все это торжественное великолепие совершенно необходимо” (7, с.88). Еще с большей иронией описывает Паскаль причудливые наряды докторов-шарлатанов: “....солдаты не рядятся подобным образом” (7, с.88), им обманывать некого. Таким образом, обыденное сознание поддается более воображению, чем разуму (в эпоху информационного общества эта

истина становится еще более красноречивой). Характерен для творчества Паскаля быстрый переход от иронии к грусти. “Страсти берегут чувства, сбивают их с пути. Они всласть лгут и обманываются сами” (7, с.90).

Когда Паскаль наблюдает события, происходящие в окружающем мире, он более спокоен, но когда он наблюдает самого себя – трагизм возрастает: “Когда я думаю о кратком сроке своей жизни... о крошечном пространстве, которое я занимаю... я чувствую страх и удивление, отчего я здесь.... Кто меня сюда поместил” (7, с.95).

Порой Паскаль отождествляет свои переживания со всем человечеством. “Эклезиаст доказывает, что человек без Бога лишен всякого знания и это несчастье желать и не мочь. Ведь он хочет быть счастливым и уверенным в какой-то истине... (7, с.96). Паскаль был искреннем католиком, но никогда не был лицемером. Он не скрывал, что сомнения гложут его. Он боролся с ними молитвой и напряжением мысли и чувства, которые фиксировал в своих фрагментах. Крошечный импульс сомнения порождал бурную реакцию художественной натуры философа.

Физические и особенно нравственные страдания заставляли Паскаля задумываться о противоречивости природы человека. Философ стремился возвеличить страдания, как испытания, посланные Богом. Но не мог удовлетворить себя этим древним умозаключением. Вера Паскаля не была подобна автоматической вере святош, которых он ненавидел. Остановимся на разделе “Противоположности”, где наиболее проявляется взаимосвязь между психологией творчества философа и целью его исследования.

Паскаль пишет, что когда человек осознает двойственность своей природы, он должен попытаться оценить себя. “Пусть он ненавидит себя, пусть он себя любит : он способен познать истину и быть счастливым, но не владеет истиной неизменной и утешительной” (7, с.106). Мне кажется, здесь перевод несколько не точен. Точный смысл – человек радуется своей способности познавать, но вечная, предельно совершенная истина ему не доступна.

Когда Паскаль пользуется словом “человек”, он подразумевает прежде всего самого себя. Самоанализ является творческой силой. Автор пишет, что хотел бы пробудить в человеке желание овладеть совершенной истиной. Но ведь совершенная истина в Боге. Размышляя о человеке, Паскаль, однако, думает о судьбе всего человечества. Часто Паскаль употребляет местоимение “Мы”, но подразумевает себя. “Так, например, анализируя свойственную людям страсть к признанию,

которую в корне считает суетной, он по-видимому вспоминает ту радость, что доставляли ему похвалы Дезарга, Ферма и других математиков, а теперь это чувство приобретает окраску стыда. Изучая метаморфозы своих чувств, Паскаль фиксирует результаты своего самоанализа, описывая в художественной форме диалектику страстей. “Ничтожество вытекает из величия, а величие из ничтожества... Они гоняются друг за другом в порочном круге; ведь очевидно, что в меру собственного разумения человек видит свое величие и свое ничтожество. Короче, человек сознает свое ничтожество. Он ничтожен, потому что такова его участь; но он велик, потому что это сознает” (7, с. 107). Следовательно разум выступает судьей величия и ничтожности человека. Но, конечно, обычные люди не могли так глубоко погружаться в себя, как это делал Паскаль. Постоянный самоанализ может парализовать волю и привести к нервному кризису. Великий француз один из первых прибег к беспощадному самоанализу и результаты его выразил в великолепной художественной форме. Но, изучая себя, ученик Августина и Монтеня понял, что его собственное “Я” так же бесконечно, как вселенная, и испытал *высокий* религиозный страх. Объяснить сферу бессознательного он не мог. “Что же за химера человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной” (7, с.110).

Эта позиция была близка многим писателям, в частности, русским. Достоевский в своем творчестве пытался разгадать загадку человека в своих великих, вечно живущих образах Раскольникова, Ивана Карамазова и других. Бахтин писал: “...герой бесконечен для автора, т.е. все снова и снова возрождается, требуя все новых и новых завершающих форм, которые он завершает своим самосознанием” (1, с. 21). Трудовой процесс для Достоевского означал прежде всего глубочайший самоанализ, автор изучал свои бессознательные импульсы, находил микрочастицы различных психологических всплесков и силою своего гения преобразовывал их и проецировал на сознание своих героев.

Обратимся снова к Бахтину. “Достоевский в своей записной книжке дает замечательное определение особенностей своего художественного творчества: “При полном реализме найти человека в человеке.... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой” (цит. по: 1, с.189).

Можно сказать, что характерология у Паскаля статична, например, он описывает самосознание человека, представляющим себя “мыслящим тростником”. Страх неведения – господствующее чувство. “Я вижу пугающие размеры вселенной... но не знаю, ни почему я оказался именно здесь, а не в другом месте. ни почему краткий срок, отпущенный мне для жизни, назначен именно в этой, а не в другой точке целой вечности” (7, с.192). Но есть люди беспечные, отбрасывающие от себя мысли о мироздании и погруженные в суетную повседневность. “Чудовищно видеть в одном и том же сердце, в одно и то же время, такую чувствительность к пустякам и такую бесчувственность к самому важному” (7, с.193). Достоевский, отмечает Бахтин, сумел показать саморазвитие души как никто. “Он открыл личность и саморазвивающуюся логику этой личности, занимающей позицию и принимающей решение по самым последним вопросам мироздания. При этом промежуточные звенья, в том числе и ближайшие, обыденные, житейские звенья не пропускаются, а осмысливаются в свете последних вопросов как этапы или символы *последнего решения*. Все это было раньше в плане одного сознания. Здесь же открыта множественность сознаний” (1, с.311). Сравнение психологии творчества Паскаля и Достоевского раскрывает их отличия. Полифоничность Достоевского полностью “утверждает невозможность одиночества, иллюзорность одиночества. Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть *глубочайшее общение*. Быть – значит *общаться*” (1, с.312). Этими словами Бахтина мы и завершаем обзор.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 424 с.
2. Вилейтнер Г. История математики от Декарта до середины XIX столетия. – М., 1966. – 508 с.
3. Гайденок В.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в средние века. – М., 1989. – 352 с.
4. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – 368 с.
5. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. – Т.1. – 832 с.
6. Ницше Ф. То же – Т.2. – 832 с.
7. Паскаль Б. Мысли. – М., 1995. – 480 с.
8. Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. – М., 1994. – 496 с.
9. Толстой Л.Н. Путь жизни. – М., 1993. – 432 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993. – 448 с.

11. Шестов Л.И. Сочинения: В 2 т. – М., 1993. – Т.2. – 560 с.
12. Юнг К.-Г. Собрание сочинений: В 15-ти т. – М., 1992. – Т.15: Феномен духа в искусстве и науке. – 316 с
13. Brunschvicg L. Le génie de Pascal. – P., 1924. – 199 P.
14. Dionne J.-R. Pascal et Nietzsche: Étude hist. et comparée, – N.Y., 1974. – 150 p.
15. Goldmann L. Le Dieu caché: Étude sur la vision tragique dans les *“Pensées”* de Pascal et dans le *“Théâtre”* de Racine. – P., 1955. – 456 p.
16. Pascal B. Pensée. – P., 1964. – 346 p.
17. Sellier P. Pascal et liturgie. – P., 1966. – 144 p.